

В просторном респектабельном зале Сбербанка Дине пришлось пересесть на соседнее кресло — от женщины, расположившейся рядом, неприятно пахло. Однако облегчения не наступило: казалось, запах преследует её. Так пахнет перегной, навоз, почва с продуктами гниения. «Может, запах немытого тела — это тоже естественный запах живой природы, — подумала Дина, — и нет в этом ничего непристойного? Ведь звери в лесу исключительно по нюху распознают друг друга, и нет в этом ничего порочного, а люди придумывают себе разные условности».

Этот запах, смешанный с другими запахами тайги, прелостью болот, багульника, бензина и солярки, запомнился Дине на всю жизнь. Её отец считал аромат тайги запахом жизни. Ударение в слове «тайга» он делал на первом слогe.

В детстве Дина ездила с мамой и братом к отцу на геологоразведочную станцию в Сибирь: добирались сначала на вертолётe, потом на спецтехнике, похожей на БТР. В таёжной чащобе другой транспорт не проехал бы. Казалось, после мазута и солярки, которыми пропахли вертолёт и сам небольшой аэродром, тайга открывалась огромным букетом, источавшим всевозможные незнакомые запахи: мха, багульника, смолы, кедра, болотных испарений и многого другого, что не улавливало детское обоняние. Сбор брусники и клюквы из памяти Дины помаленьку выветрился. Зато величавый кедрач вспоминался как волшебный лес. Верхушки кедров тянулись вверх, к солнцу, хоть и неласковому, сибирскому, но дарующему жизнь всему живому. Сбивание шишек было

подобно магическому ритуалу, тяжёлому физически, однако насыщенному новыми эмоциями от сопричастности таинствам природы, — в памяти это осталось, кажется, навсегда.

Признаков присутствия другой жизни в кедраче Дина не помнила, ни одного дикого зверя не встретилось, разве что белка проскачет с одной ветки на другую, и то может испугаться собственной тени или хруста обломившегося сучка. А отец долго жил в тайге и знал коренных жителей здешних мест — хантов и ненцев, которые по-прежнему обитали в землянках. В них когда-то, в стародавние времена, можно было чувствовать себя в относительной безопасности и тепле. Если зимой земля не промерзала, то несколько зимних месяцев отдавала тепло. Ветра не трогали таёжные заросли, да и дурной человек не сразу нашёл бы здесь человеческое жильё. Так спасались, как дикие звери, обитатели сибирского леса, всё лето припасая впрок и грибы, и ягоды, и нужные травы для отваров, а солонину со строганиной как-то умудрялись сохранять в леднике. Это уж потом появились и дома, и холодильники. Но некоторые не смогли или не захотели приспособиваться к благам цивилизации. Подобно индейским племенам, впервые встретившимся с европейцами и пострадавшим от их внимания. Наивные туземцы не имели иммунитета ни к вирусам, ни к галантерейным безделушкам, а главное — к алкоголю, к которому впоследствии заимели не только слабость, но даже зависимость от него, разрушившую всё, что складывалось в их племенной культуре веками. Ханты не были исключением, поэтому пушнину два прошлых века у них скупали за бесценок, расплачиваясь водкой. Так и не приспособившись к человеческой подлости и не выработав иммунитета к русской водке, живут они на западе Сибири и дальше, вплоть до Крайнего Севера.

Дине вспомнилась давняя история, рассказанная отцом во время застолья в кругу приятелей.

Как-то раз он поехал на гусеничном спецсредстве на буровую. Издалека увидел у обочины дороги, хотя вряд ли её, колеиную таёжную дорогу, можно назвать дорогой, двух человек. По виду они мало напоминали геологов. Остановились, отец высунулся из люка, присмотрелся и признал в человеке с узкими глазками знакомого ханта.

«Эге, Васька, брат, как поживаешь?» — радушно поприветствовал отец.

Никто толком не знал, почему эти люди имели русские имена, но забавным казалось несоответствие между внешностью, далёкой от славянской, и исконно русскими именами. Иванами, Василиями и Семёнами звали его приятелей.

Отец помнил, как в прошлом году ханты приходили в лагерь к буровикам-нефтяникам в баньку помыться. Долго за столом сидели, беседовали, Васька рассказывал бывальщины — так на Русском Севере зовутся истории, имевшие место в действительности, порой бездоказательные, приукрашенные. Речь хантов была простая и вместе с тем непохожая на обычную.

«Холесё, брат, вот опять ходили в баньку», — улыбаясь и не стесняясь показать беззубый рот, выкрикивал старший, почти старик, хотя по заросшему щетиной лицу трудно было определить его возраст.

«Опять? Мы вроде в последний раз виделись в прошлом году. Вы к нам на делянку приходили в баню».

«Да, так и есть. Холесё помылись и сегодня вот».

«Когда в следующий раз придёте? Хотелось пообщаться, что ли? Заранее сказали бы. Я бы стол организовал», — ради приличия сказал отец, не сильно настаивая на приглашении, поскольку знал слабость лесных жителей к горячительному.

«Спасибо, холесё, придём в следующем году».

Вспоминая эту историю, отец всегда смеялся, делая акцент на последней фразе: «Холесё, придём через год», — передразнивая говор и комментируя тот факт, что ханты, манси и чукчи моются не чаще чем через двенадцать месяцев. А гигиенические процедуры в зимнюю пору ими совершались при помощи холода. В лютый мороз нам казалось невозможным то, что делали эти люди. Они оставляли при минус сорока на снегу нижнее бельё, даже детские распашонки, не вытряхивая, так как одежда от этого могла полопаться. Таким образом аборигены боролись с паразитами и микробами, которые умирали при низкой температуре.

...Тем временем, пока Дина предавалась воспоминаниям, другая женщина, ещё не старая, опрятная и, видно, давно освоившаяся в большом городе, под села к той, что благоухала перегноем, и затеяла с ней разговор. Дина предположила, что

женщина будет читать нравоучения незнакомке. Так часто бывает: кто-нибудь заявит о своём равнодушии и давай в автобусе или метро давать наставления, не думая о том, насколько это нужно другим. Ан нет, женщина начала издали, поэтому Дина, притворившись безучастной, вся обратилась во внимание; впрочем, обращать ей его больше было не на что.

— Вы в шестом подъезде живёте? — поинтересовалась татарочка у «благоухающей» соседки.

Та не ответила, будто оглохла, словно сова, и продолжила смотреть на табло, мысли её, казалось, витали далеко.

— Да точно, вы из шестого подъезда. Просто я рядом живу. Я вас видела с сыном, вы беженцы.

«Благоухающая» вышла из оцепенения, повернула голову к собеседнице и так же молча уставилась на неё.

— Я давно за вами наблюдаю. Дело в том, что у меня есть вещи. Все чистые, хорошие, я их собрала. Я могла бы вам их передать. У меня дети повзрослели и разъехались. А я живу одна, вот перекладываю их туда-сюда, а вам, наверное, они нужны. Так возьмите их.

Беженка посмотрела внимательно и произнесла:

— А они у вас новые?

Не сразу сообразив, к чему это, татарочка, запинаясь, сказала:

— Да я же говорю, что стиранные — чистые. Жалко выбрасывать. Может быть, кому пригодится?

— Нет, только если новые. А так нам ничего не надо, — беженка отвернулась.

Сердобольная татарочка не нашлась, что сказать. А может, и вовсе обиделась. Она вжалась в своё кресло и стала что-то искать в сумке, скорее всего телефон, потом именно его вытащила и стала просматривать переписку.

На табло высветился Динин номер, она поспешила к специалисту, оставив женщин с их нерешёнными вопросами.

Вскоре, покинув Сбер и плюхнувшись в автомобильное кресло, Дина принялась и почувствовала запах прелой листвы. Она не успокоилась, пока на дне плащевой сумки не обнаружила сдутый мячик-глобус своей дочери. Этой игрушке, резиновой безделушке, было тридцать лет, не меньше, столько же скоро исполнится самой Яське. Дина вспомнила,

как полгода назад та учинила дома скандал, не обнаружив мяч, и Дина, засомневавшись, призналась в том, что он полетел в мусорный контейнер. Каково же было удивление, когда сдутый грязный мяч нашёлся в кладовке — в коробке с игрушками, уставшими и отдыхающими от нескольких поколений Нагимовых. С тех пор, вот уже больше месяца, Дина ездила по городу, тщетно пытаясь надуть старый мяч-глобус.

В ней проснулись все лучшие чувства сразу: и дочери, и матери, и даже бабушки. Матери — потому как она не баловала игрушками свою дочь в девяностые; мячик, к которому прикипела сердцем Яська, был, конечно, не единственной игрушкой, но всё же запомнившейся и, соответственно, дорогой ей. Чувства бабушки — поскольку она не церемонилась со странными новомодными игрушками внучки: «щенячьим патрулём», Лолой, Кисимиси и Хагги Вагги, коих не перечесть было в коллекции маленькой Айны. Теперь, обнаружив раритет на дне сумки, Дина прижала его к груди и решила, что работа по реставрации мячика — это скорее дело чести, чем детский каприз, и она, Дина, таким образом сможет реабилитировать себя и как мать, и как бабушка. К тому же у Яськи скоро юбилей — тридцать лет, и он бывает только раз в жизни. Пусть ей неожиданно прилетит привет из детства в виде давно пропавшего мячика.

Махнув рукой на опоздание в университет, Дина остановилась возле салона проката велосипедов.

Дина долго топталась возле витрины, ждала, когда продавец распрощается с клиентом, после чего придвинулась ближе, будто хотела сказать что-то очень личное. И удивилась своему голосу, настолько неестественно он звучал:

— Извините, пожалуйста, вот мяч. Можете его надуть?

Продавец взял в руки мяч, покрутил его, потом, приблизив к лицу, попытался выдохнуть в него и произнёс:

— Ну, здесь ничем помочь не могу. Вот видите, нужен ниппель, или игла, так по-разному называется эта деталь. Без неё не могу. Купите новый.

Развёл руками и отдал мяч женщине.

«Зачем мне другой? Мне нужен именно этот», — думала про себя Дина, усевшись в машину и нажимая всей ступнёй на педаль газа.

Она не заметила, как припарковалась к флигелю университетского корпуса, где работала последние десять лет. Преодолев крутые ступеньки на каблучках, она застала в преподавательской разговорившихся за чаем коллег.

— Я думаю: где ж я возьму кассету? Гузелькин номер горит.

Розалия Калимулловна в красках рассказывала о злоключениях дочери в связи с танцевальным конкурсом, который едва не сорвался из-за испорченной музыкальной записи. Она долго искала её по городу. А на дворе стояли времена, когда было невозможно скачать музыку из интернета.

— Я помчалась на Чеховский рынок — помните, там был закуток, где продавали кассеты? — и давай перебирать с продавцом всё подряд и слушать. У другого неделя бы на это ушла, я измучила всех, но тщетно. Ничего даже похожего нет.

— А музыка-то какая была? — поинтересовалась Татьяна Сергеевна.

— Вот в этом и вся загвоздка, не популярная, а народная, и танец восточный. Там слова ещё такие были: «гузелем, гузелем...» Может, знаете?

— Да кто ж знает? Все песни на один лад, и многие именно с этими словами, — подтвердила другая коллега, только что подключившаяся к беседе.

— Я совсем отчаялась, когда к нам подошла женщина и предложила пойти к ней домой, чтобы поискать мелодию в её домашней фонотеке. Меня муж потом ругал последними словами: «Как ты могла пойти к неизвестным людям из Узбекистана, снимающим квартиру где-то рядом? А вдруг там притон или ещё что хуже, хотя что ещё хуже?» А я ни о чём думать тогда не могла, кроме конкурса дочери и её будущего успеха. Моложавая женщина-узбечка, в обычном ситцевом цветном платке на голове, напевая себе под нос незамысловатую мелодию, впустила меня в скромное жилище, где в небольшой комнатушке спали дети на панцирных кроватях, и, присев перед тумбой, на которой стоял телевизор, стала выгребать из неё содержимое, ловко отделяя в сторону кассеты. Я застыла в дверях и только тогда осознала свой глупый и бессмысленный поступок: «Ну разве можно здесь вообще что-то найти?» Вдруг женщина подпрыгнула и, улыбаясь, протянула мне кассету.

«Нашла, вот она!» — радостно воскликнула женщина, будто ей самой была нужна эта восточная мелодия. Я не помню, как ушла оттуда, взяв у неё кассету. Знаю лишь, что она наотрез отказалась брать за неё деньги. Вернувшись домой, обнаружила дома мужа с сыном. Они вопросительно посмотрели на меня. Сказали, что обыскались уже. Пристыдили, что поступила опрометчиво. А они легко вышли из положения, записав мелодию в студии звукозаписи. Но всё равно я была довольна собой: сделала невозможное, и танец дочери спасён.

Дина с остальными сопереживала рассказу и улыбалась, думая о мячике.

Она хотела поделиться с коллегами собственными переживаниями, но время вышло, да и вряд ли поток красноречия Розалии Калимулловны можно было остановить. Она ещё по пути в аудиторию старалась в красках закончить и снабдить историю важными для неё подробностями.

Возвращаясь после занятий домой, Дина приглядывалась к вывескам и делала вывод, что только в советское время существовали такие магазины, как «Спортовары», «Галантерея», «Тысяча мелочей» и другие. Сейчас всё частное, какие-то маленькие закутки с непонятным товаром, и всё одноразовое — так как мало сейчас кто-то ремонтирует вещи и перешивает одежду в ателье. Одноразовая обувь — её больше двух сезонов никто не носит; одноразовые игрушки — мало кто хранит их для будущего поколения! И верит ли в будущее наше нынешняя молодёжь?

Реклама призывает выбросить всё ненужное. А что нужно? И что ненужное? Дина начала рассуждать об этом вслух. Вспомнила, как на днях пыталась выбросить пакеты со старыми детскими вещами и игрушками, кочевавшими по разным квартирам, а теперь уже и в загородном доме: из-под лестницы в сарай и обратно. Дина почти выбилась из сил, пытаясь навести порядок, и в конце концов пришла к мысли, что, видимо, у неё какой-то особенный порядок. И детские вещи, и игрушки — это не просто вещи, это свидетели её прошлой жизни, куда она попадает, как на машине времени, просто подержав в руках плюшевого мишку или мяч-глобус. И пусть пройдёт двадцать, тридцать, сорок лет... можно, открыв коробку с детской игрушкой, перенестись в

мир детства, счастливый уютный мир, где мы любим маму и папу, и дом свой, и маленький дворик, и из всего этого составляется, как из пазлов, понятие «Родина». Возвращаются из небытия запахи и вкусы только людям старшего поколения знакомых деликатесов, таких как «Килька в томатном соусе», «Бычки в томате» или, например, помадка, сваренная из сахара, кабачковая икра, пироги с калиной, черёмухой и прочие кулинарные изыски, оставшиеся в традициях некоторых семей как символ нестигаемости. С годами становится навязчивой идеей желание соблюдать обычаи своего народа или хотя бы хранить память о них.

Вернувшись домой, Дина взялась за приготовление ужина и, стоя у раковины, прислушивалась к голосу гостя шоу «Пусть говорят».

«Да, я вышла замуж за лорда, я стала баронессой», — говорила женщина с голубого экрана, немного картавя.

Дина бросила взгляд на экран и увидела, что баронесса сидит на тесном диванчике в павильоне программы рядом с другими участниками, а зал на каждое её слово реагирует протяжным «О-о-о-о!».

Дина бросила мытьё посуды и уселась перед телевизором. Молодая привлекательная женщина с шоколадного цвета кудрями делилась своей витиеватой историей. Зал с восхищением смотрел на новоиспечённую баронессу, которая невероятно удачно вышла замуж и уехала к мужу в Лондон, где её приняла семья аристократа.

«Я думала, они моему сыну подарят на шестнадцатилетие как минимум... — баронесса в поиске подходящих слов на мгновение замолчала, потом продолжила: — А свекровь собрала нас всех и сначала извлекла из дубового шкафа коробку, а затем попросила своего сына, то есть моего мужа, открыть её и вместе с ней принять участие в торжественном дарении галстука, который она преподнесла ему ещё на его шестнадцатилетие. Сказать, что я была разочарована, это ничего не сказать».

В зале прокатилось раскатистое «о-о-о!», и взгляды устремились на ведущего.

«То есть вы хотите сказать, что это вам дарилось на полном серьёзе?» — Андрей Малахов всегда переходил на сниженную лексику, когда эмоции достигали кульминации.

Однако после того, как вся аудитория ток-шоу осудила поступок свекрови баронессы, фон Лорен Марина Шаповалова вдруг поменяла интонацию и принялась объяснять истинную причину такого ничтожного подарка: «Да нет же, я даже им благодарна. Только они и научили меня по-настоящему понимать, что такое семья и традиции, которые нельзя приобрести за несколько лет, как, например, нувориши, то есть новые русские, в девяностые годы, когда деньги делались из воздуха. Быстро разбогатев на криминале, продавая палёный спирт в бутылках, и ещё хуже — за счёт рэкета, убийств. И вот, накупив барахла, дорогих тачек, домов на Рублёвке, они обзавелись семьями и детей вдруг захотели учить в лучших школах и университетах, даже за границей, когда сами едва читать и писать умели. И таких, кто со свиным рылом полез в калашный ряд, сразу можно было отличить от истинных аристократов и в Лондоне, и в Штатах. Сначала большевики, потом братки семьдесят лет спустя отобрали всё у богатых, переобулись из лаптей в „саламандер“, но так и остались плебеями „без Родины, без флага“, не имеющими чувства собственного достоинства и гордости за своих пращуров, которых не знали и знать, может, не желали. Потомки Климов Чугункиных, пополнившие класс люмпенов, вряд ли станут с пиететом хранить личные вещи, которых у них никогда и не было».

Дина, на шарив футляр, извлекла из него очки и водрузила их на переносицу, чтобы получше рассмотреть женщину.

В зале началось волнение, и Малахов едва успевал режюмировать и обобщать: осуждение превратилось в защиту. Хотя беседа пошла не по сценарию, ведущий не терялся, потому как для опытного журналиста нет ничего невозможного, как нет и рамок — можно выплыть из любого словесного омут; закольцевать несусветную чушь, играя в словесный пинг-понг, и в конце — возвести её в ранг абсолютной истины.

«Вы хотите сказать, что галстук, подаренный ещё отцу, передаривается сыну, внуку, и это предмет гордости семьи лорда? И в этом нет ни капли насмешки?» — Малахов пытался спровоцировать баронессу, ему был нужен конфликт. Его передача не может быть пресной. Сейчас он рассорит всю семью. Просто нужно время. И тут неожиданно

баронесса широко улыбнулась, встала со своего диванчика и под бурные аплодисменты покинула программу.

Реклама на время перекрыла происходящее на экране призывом к покупке волшебного средства от изжоги. У Дины появилось неприятное ощущение в желудке. Она переключила программу: «Тошнит уже от этих шоу». Она опустилась на диван и стала бороться с внезапным приступом гастрита. Её вновь окутал прельный запах речной тины, и она вспомнила женщину в зале Сбербанка: «Нет, мне только если новые. А так нам ничего не надо...» — фразу, которой выражался отказ от помощи, вещей, хотя в положении беженки ли требовать только новые? Или она принадлежала к той категории людей, которые ничего не будут делать, будут нищенствовать, будут просто ждать, когда им всё дадут просто так, а может, и с силой отнимут? От этой мысли Дине стало как-то не по себе. Она подумала о соседе Сашке, который жил напротив.

Предупреждала Яська: не давать ему в долг, всё равно, мол, пропьёт, — да Дине было как-то неловко. Всегда давала сто, двести рублей то ли в долг, то ли как милостыню. Муж хоть ругал Дину, сам украдкой давал Сашке на водку. Для того это стало вроде ритуала: день пьёт, два пьёт, третий, а на четвёртый начинаются «саратовские страдания». Выходит на аллею, как медведь-шатун, цепляется к случайным прохожим, потом, не найдя собеседника, начинает стучать и звонить во все дома. Если раньше люди не ставили замки и звонки на ворота, потому что доверяли друг другу, то сейчас запоры начали ставить на всё, да и делали их покрепче, обзавелись также видеонаблюдением. Что касается звонков, то колокольчики сменились кнопками, а потом и эти вовсе исчезли. Люди до такой степени захотели уединиться, что скрылись ото всех за высокими заборами с управляемыми пультом воротами и специально звонок не стали ставить — чтобы только свои имели доступ и никто чужой не проникал в их частную жизнь. Так что соседи уже давно друг к другу за солью не ходят.

Между тем дом Дины был одним из немногих, оборудованных по старинке — звонком. Порой Сашка долго отжимал кнопку указательным пальцем, потом, теряя силу и терпение, прислонялся всем корпусом к забору и лицом наклонялся так, что лбом упирался в кнопку, которая от этого западала и

звонок становился бесконечным. Ему никто уже не собирался открывать, но и он уже вряд ли что-то мог понять в таком состоянии. Пугало то, что Сашке почему-то казалось, что ему все должны обязательно дать денег займы. А что, если ему в очередной раз не дадут и он захочет взять их силой, потому как больше нигде ему взять и терять ему уже нечего?

Дина поймала себя на мысли, что где-то это уже было, и опять к её горлу подступила тошнота от присутствия затхлого запаха...

Утром Дина снова искала ниппель, или иглу, — в одном месте, другом. Порой ей казалась глупой эта затея. Ну зачем Яське старый мяч? Посмеётся только. Что, если взять да и выбросить весь «мусор»? Но от этой мысли Дина начала рассуждать с удвоенной силой: разве это мусор?

Подошёл муж и, открыв багажник машины, начал ворчать: — Когда у тебя в машине будет порядок?

— Это всё нужно, это не макулатура, — оттесняя в сторону стопки бумаг, оправдывалась Дина.

— Даже колёса некуда складывать, поедem в шиномонтаж.

Закидывая в багажник летнюю резину, муж наткнулся на мяч. Взяв в руки, он повертел его в руках и, смягчив тон, поинтересовался:

— Ты возишь его с собой?

Узнав о злключениях Дины, он перестал ворчать, и во время поездки в шиномонтаж его лицо будто посветлело, на него нахлынули воспоминания: маленькая Яська, Анапа, мячик, вращающийся, как земной шар по орбите. И вся жизнь пронеслась слайдами перед его глазами. «А как будто вчера всё это было. Хрущёвка на Волгоградской. Девочка. Мячик. И — бах — ей тридцать, а нам сколько? И что, всё пролетело стремительно кометой, и в памяти только цветные всполохи от хвоста её?..»

Муж молча ворочал тяжёлые колёса, помогая молодому рыжеволосому парню, и когда, потирая руки, он вышел к супружеской паре, Дина заметила, какого василькового цвета у автослесаря глаза. Тут Дина решила рискнуть в последний раз. Муж сразу понял намерение жены и достал из машины мячик.

— Извините, — Дина начала виновато, за что ей стало даже неловко, — а вы не могли бы мячик надуть?

Дина столько раз за последнее время произносила эту фразу, что она у неё получилась какой-то механически-бездушной, оттого-то и неестественной.

— Понимаете, у нашей дочери скоро день рождения, точнее, ей тридцать лет, — Дине казалось, что она несёт такую чушь, что ей самой стало стыдно, но она продолжила заученную речь: — Так вот, это мяч-память, мы хотим её удивить, она им играла ещё в детстве...

Дина опустила глаза, но, к её удивлению, никто из мужчин не показал ни видом, ни словом, что в сказанном ею есть что-то несусветное. Парень, выслушав Дину, кивнул мужу, державшему мяч, и, через мгновение ловко поймав его, скрылся в своей подсобке.

Дина запрокинула голову и увидела весеннее небо, голубое и бесконечное. Два голубя парили в нём, превращаясь сначала в точки, а потом веером раскрывали крылья и, словно в танце, недолго парили в высоте. Дина вдохнула холодный апрельский воздух и на минуту закрыла глаза, радуясь тёплому солнышку.

Когда Дина приподняла веки, увидела перед собой рыжего парня. Улыбаясь, он протянул ей туго накачанный мяч.

— Ну, вот как-то так, только вы с ним осторожно, он сдуется, если будете кидать.

Изумлённая Дина стала ощупывать мяч и осыпать парня благодарностями.

— Да, да, конечно, мы его только под стекло, под ключ. А сколько мы вам должны? — не унималась Дина.

— Да, сколько? Вы нам помогли, — подключился муж, тоже довольный.

— Пустяки, ничего не надо. Мне вот тоже будет тридцать на днях. Что я, не понимаю? У меня тоже был мячик, он мне всего дороже, — парень засмутился от собственных слов и белозубо улыбнулся.

Женщина вновь почувствовала запах весны, в нём сочетались таёжные травы, болотная тина, ягоды, кедр и чистый апрельский воздух, запах продолжающейся жизни.

Дина, смеющаяся, с мячом в руках, заглянула мужу в глаза — в них сияли любовь и счастье, которые за деньги не купишь и которые нужно беречь и пронести через годы.